

Г. С. Зеленина^{ab}

ORCID: 0000-0001-9411-4102

✉ galinazelenina@gmail.com

^a *Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)*

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

«ЭТО — ИЗВРАЩЕНИЕ, ЭТО НЕНОРМАЛЬНО»: РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ШОКА В МАНЕЖЕ 1 ДЕКАБРЯ 1962 Г.

Аннотация. 1 декабря 1962 г. Н. С. Хрущев посетил открывшуюся в Манеже выставку, посвященную 30-летию Московского отделения Союза художников, и примкнувшую к ней небольшую экспозицию молодых авангардистов. Творчество авангардистов главе государства крайне не понравилось. Разнос Хрущевым авангардной выставки как «наиболее прямой и острый эпизод столкновения искусства и власти в годы оттепели» запечатлен в стенограмме его визита, в мемуарах как присутствовавших, так и отсутствовавших там художников и изучен исследователями — с точки зрения аппаратных интриг, культурной политики и взаимоотношений власти и интеллигенции в эпоху поздней оттепели. Статья анализирует состав «вульгарного поношения», которому глава государства подверг авангардистов, прослеживает осмысление Хрущевым представшего перед ним «уродства», преобразование бурной аффективной реакции в утверждение привычных идеологических тезисов и конструирование сложносочиненной категории художников-«педерастов», которую современная наука по праву охарактеризовала бы как интерсекциональную.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: Хрущев, оттепель, искусство, культурная политика, авангард, маскулинность, гомосексуальность, евреи, Другой, интерсекциональность

Для цитирования: Зеленина Г. С. «Это — извращение, это ненормально»: рационализация эстетического шока в Манеже 1 декабря 1962 г. // Шаги/Steps. Т. 6. № 4. 2020. С. 52–70. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-4-52-70.

*Статья поступила в редакцию 4 февраля 2020 г.
Принято к печати 10 июля 2020 г.*

G. S. Zelenina^{ab}

ORCID: 0000-0001-9411-4102

✉ galinazelenina@gmail.com

^a *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

^b *The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Russia, Moscow)*

“THIS IS PERVERTED, THIS IS NOT NORMAL”: RATIONALIZING AESTHETIC SHOCK IN THE MANEZH ON DECEMBER 1, 1962

Abstract. On December 1, 1962, Nikita Khrushchev, leader of the Communist Party and Premier of the Soviet Union, attended the Manezh Central Exhibition Hall where an art exhibition, *Thirty Years of Moscow Artists' Union*, had just opened. On the second floor of the exhibition hall he also saw a smaller-scale exhibition of works by young avant-garde artists and did not enjoy it at all. The curses hurled by Khrushchev at the avant-garde artists, termed “the most direct and acute episode of confrontation between art and power of the Thaw period”, were recorded in the stenogram of his visit and in the memoirs of the artists. They have been studied from the perspective of intrigues within the Party apparatus, Khrushchev’s cultural policy, and the relationship between power and intelligentsia in the late Thaw period. The present paper examines Khrushchev’s rhetoric in a wider context, traces the transformation of his stormy reaction into a declaration of customary ideological tenets, and discovers the intersectionality of ethnicity, sexuality, and creativity during the rhetorical construction of spiritually alien Others, or even dangerous internal enemies. With alien figures of Jews and homosexuals occupying their due place as “symptoms” of the Thaw modernity, the leader of the state, in condemning “pederasts” and asserting that “normal manliness” was capable of creating “healthy art”, in his chaotic rhetorical way struggled with the post-Stalinist crisis of Soviet masculinity.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Keywords: Khrushchev, the Thaw, art, avant-garde, cultural policy, masculinity, homosexuality, Jews, the Other, intersectionality

To cite this article: Zelenina, G. S. (2020). “This is perverted, this is not normal”: Rationalizing aesthetic shock in the Manezh on December 1, 1962. *Shagi / Steps*, 6(4), 52–70. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-4-52-70.

Received February 4, 2020

Accepted July 10, 2020

1 декабря 1962 г. глава Коммунистической партии и правительства Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев посетил открывшуюся в Манеже выставку, посвященную 30-летию Московского отделения Союза художников, и примкнувшую к ней небольшую экспозицию молодых авангардистов — студийцев Элия Белютина, а также художников Владимира Янкилевского, Юло Соостера и Юрия Соболева и скульптора Эрнста Неизвестного — на втором этаже Манежа. Творчество авангардистов главе государства остро не понравилось. Согласно воспоминаниям очевидцев, Хрущев испытал сильные переживания, которые можно, вероятно, назвать эстетическим шоком.

Неизвестный описывает нагнетание напряжения: «Мы находимся наверху, но до нас доносятся крики и вопли уже снизу, там происходит некий шабаш. <...> он [Хрущев] был воспален, и все были очень возбуждены» [Неизвестный 1979: 176]. Белютин рисует словесный портрет Хрущева, который «менялся на глазах, мрачнел, бледнел. Эта эмоциональность была удивительна для руководителя государства. <...> Хрущев три раза обежал довольно большой зал, где были представлены 60 художников нашей группы. Его движения были очень резки. Он то стремительно двигался от одной картины к другой, то возвращался назад, и все окружавшие его люди тут же услужливо пятились, наступая друг другу на ноги» [Белютин 1990: 136]. Леонид Рабичев еще тщательнее анализирует эмоциональную динамику главы государства:

Я внимательно следил за мимикой лица Никиты Сергеевича — оно было подобно то лицу ребенка, то мужика-простолоудина, то расплывалось в улыбке, то вдруг на нем обозначалась обида, то оно становилось жестоким, нарочито грубым, глубокие складки то прорезывали лоб, то исчезали, глаза сужались и расширялись. Видно было, что он мучительно хотел понять, что это за картины, что за люди перед ним, как бы ему не попасть впросак, не стать жертвой их обмана. <...> лицо Никиты Сергеевича отличалось естественной живостью реакций. В данном случае оно стало злым. Никита Сергеевич молчал около двух минут, а затем громко, с ненавистью произнес: «Говно!» И, подумав, добавил: «Педерасты!» [Рабичев 2001: 132].

Разнос Хрущевым авангардной выставки как «наиболее прямой и острый эпизод столкновения искусства и власти в годы оттепели» [Герчук 2008: 101] запечатлен в стенограмме его визита¹, в мемуарах как присутствовавших [Белютин 1990; Рабичев 2001, 2003; Жутовский 1989; 2009; Неизвестный 1979], так и отсутствовавших [Молева 1989] там художников и изучен исследователями — с точки зрения аппаратных интриг, культурной политики Хрущева и взаимоотношений власти и интеллигенции в эпоху поздней оттепели [Костырченко 2012: 350–351; Герчук 2008].

Как участники выставки, так и исследователи обсуждают, что ее разгром был спровоцирован консервативными чиновниками от искусства, которые

¹ Высказывания Н. С. Хрущева при посещении выставки произведений московских художников. 1 декабря 1962 г. (РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 329. Л. 85–111). Цит. по: [Хрущев 2009: 522–533].

хотели задушить авангард руками главы государства. Вся операция по организации экспозиции в Манеже и приглашению туда Хрущева была реакцией на открывшуюся 26 ноября выставку молодых авангардистов в Доме народного творчества на Таганке. Она пользовалась большим успехом и стала известна на Западе; по воспоминаниям художника Янкилевского, «на улице стояла очередь. Работы пришла смотреть вся интеллигенция Москвы <...> Агентство Associated Press <...> сделало фильм о выставке» [Янкилевский 2010]. Чиновники, заведовавшие культурой, испугались, что явно чуждое искусство открыто экспонируется, а позиция власти не прояснена. В то же время члены художественного истеблишмента интриговали перед выборами в Академию художеств, опасаясь конкуренции со стороны левого крыла Московского отделения Союза художников:

Потом мы узнали, что эту всю историю подготовили академики для борьбы с «левым МОСХом». <...> сталинские академики очень опасались потерять власть и деньги. <...> Академикам надо было натравить правительство на «левый МОСХ». А нас использовали как «наживку». Для этого обманули Хрущева, сказав, что мы члены МОСХа и сидим на шее у государства [Там же].

Другая тема, постоянно присутствующая в обсуждениях эпизода в Манеже, это эстетическое невежество Хрущева, якобы неспособного воспринимать искусство: «...он не профессионал, не критик и даже эстетически безграмотен» [Неизвестный 1979: 177]; «...вот такая была у нас “интеллектуальная” критика» [Янкилевский 2010]; «...ассоциации у него [Хрущева] возникли только бытовые, не эстетические <...> небогатый опыт общения с живописью» [Герчук 2008: 96–97].

Обсуждается значение хрущевского спича в истории советского авангардного искусства и, шире, его последствия для культурной жизни в целом — как краткосрочные (в частности, реакции различных деятелей культуры в конце 1962 — начале 1963 г.²), так и долгосрочные: появление ярлыка «абстракционист», который навешивался на любого художника, творившего не в русле соцреализма, и перевод всего «другого» искусства в положение неофициального.

Отдельная сентиментализированная тема — последующие отношения Хрущева с обруганными им художниками: будучи снятым со всех должностей, на пенсии, Хрущев общался с Жутовским, который нарисовал его портрет-шарж, а Неизвестный (с подачи Жутовского, предложившего эту идею родным Никиты Сергеевича) сделал надгробный памятник.

Высказывания Хрущева при посещении выставки, отчасти и в более сбалансированной форме повторенные им на последовавшей через две недели встрече руководителей КПСС и советского правительства с деятелями

² Например, директор Музея изобразительных искусств И. А. Антонова консультировалась с членом идеологической комиссии ЦК и зятем Хрущева А. И. Аджубеем на предмет «абстрактных» и «непонятных» полотен на подготовленной в музее выставке Фернана Леже [Аджубей 1989: 168].

литературы и искусства³, обсуждаются прежде всего как свидетельства его взглядов на культуру и искусство, предрешивших дальнейшую культурную политику государства. Употребленная им лексика привлекает внимание исследователей лишь степенью грубости («начал вульгарно поносить художников» [Костырченко 2012: 351]), но не дополнительным содержанием, привносимым ею в разговор об искусстве.

Я предлагаю увидеть в неоднократно повторенных «вульгарностях» не столько оскорбления, «выпускание пара» и выражение эстетического шока, сколько рационализацию этого шока и вполне конкретное содержание, проливающее свет на картину мира главного носителя советского авторитетного дискурса, на его представления не только об искусстве, но и о норме, о нормативной мужественности, о своих и чужих, укладывающиеся в теорию Джорджа Моссе о параллельном конструировании этнического и гендерно-сексуального Другого как нарушителя эстетической нормы и как угрозы здоровью, силе и будущему нации [Mosse 1985; 1996], демонстрирующие известную российскую и советскую (нео)традиционалистскую веру в исконную русскую «чистоту», которая может быть нарушена только агентами Чужого [Healey 2001: 252–254].

* * *

Ключевым словом в хрущевских высказываниях на выставке — неоднократно повторенным, грубым и, казалось бы, совершенно неуместным, не имеющим отношения к искусству, было обращенное к художникам слово *пидарасы* (так в воспоминаниях очевидцев) или *педерасты* (так в стенограмме, вероятно, смягчившей оригинал). Важно, что это не пустая брань, слово *пидарасы* употребляется Хрущевым не просто как оскорбление, в значении ‘дурные люди’, и не просто в развитие образности телесного низа, чрезвычайно свойственной его риторике. Так, в тот же день в Манеже и на встрече с деятелями культуры 17 декабря Хрущев сравнивает изображение лица на автопортрете Жутковского с ягодицами («кто скажет лицо, а кто скажет другое, потому что сходство» [Хрущев 2009: 594]), а творчество Неизвестного — со взглядом «из стульчака» на то же место [Ромм 1991: 128–129]. Он охотно подкрепляет свои заявления о неприемлемости того или иного искусства рассказами о реакции на него своего организма: «И вот вдруг услышишь джаз, это меня подхватывает так, как когда бывают колики в животе» или: «...наверно, приду, и надо будет закрепляющее принимать; вот когда запор, тогда надо идти и смотреть это» [Хрущев 2009: 523, 527]. Но даже с учетом этих особенностей риторики Никиты Сергеевича очевидно, что слово *пидарасы* повторяется в его высказываниях неслучайно и влечет за собой целый смысловой ряд.

Как вспоминал Рабичев, Хрущев «мучительно хотел понять, что это за картины, что за люди перед ним». За несколько лет до того на встрече с писателями он ставил ту же задачу: «Ошибаться человек может, поэтому надо проанализировать природу ошибок, желание этого человека, душу

³ Стенограмма встречи руководителей КПСС и советского правительства с деятелями литературы и искусства. 17 декабря 1962 г. (РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 330. Л. 1–149). Цит. по: [Хрущев 2009: 533–601].

этого человека» [Хрущев 2009: 460–461]⁴. Бегая по второму этажу Манежа, глава государства не просто сквернословил и распекал, а стремился понять душу странных художников, проанализировать факторы, толкнувшие их на неверный путь.

Вопреки сложившимся представлениям об асексуальности советского языка, мы видим, что Хрущев употребляет слово *педераст* в значении ‘гомосексуал’, как, например, в следующих репликах: «Вот я хотел бы спросить, женаты они или не женаты; а если женаты, то хотел бы спросить, с женой они живут или нет? Это — извращение, это ненормально. <...> Сколько есть еще педерастов; так это же отклонение от нормы» [Хрущев 2009: 522, 524]; «Вы нормальный физически человек? Вы педераст или нормальный человек?» [Там же: 525]; «Так почему педерастам по 10 лет дают, а этим ордена должны быть? <...> это только преступление касается двух типов» [Там же: 594]. Иногда это слово просто оскорбление: «Вы что, боитесь критиков, боитесь этих дегенератов, этих педерастов?!» [Там же: 526], иногда — метафора, когда он не называет, а сравнивает художников с гомосексуалами («это — педерасты в искусстве» [Там же: 542], «это — педерасты в живописи» [Там же: 525]), но чаще Хрущев, спрашивая о наличии жен и детей, действительно склонен иметь в виду сексуальность и личную жизнь объектов своего гнева, их маскулинность. Так его поняли и пытавшиеся оправдываться художники. Неизвестный схохмил: «Никита Сергеевич, дайте мне сейчас девушку, и я вам докажу, какой я гомосексуалист» [Неизвестный 1979: 177], а Рабичев твердил: «Никита Сергеевич, я хорошо знаю всех, здесь нет ни одного педераста — у всех семьи, дети...» [Рабичев 2001: 133].

При определенной либерализации в эпоху оттепели разных аспектов сталинского законодательства государственная и общественная гомофобия в эти годы лишь усугубилась. Мужеложство, ставшее в Советском Союзе уголовным преступлением в 1934 г. [Хили 2008: 223–228], при Хрущеве осталось таковым; в 1958 г. Министерство внутренних дел РСФСР издало секретное постановление о борьбе с «половыми извращениями», а новый Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1960 г., в 121-й статье предписывал уголовное наказание за добровольные гомосексуальные контакты⁵. Государственная гомофобия модернизировалась и помимо уголовных наказаний стала использовать методы пропаганды и принудительное лечение [Healey 2017: 42–45, 170–171]. Скудные данные о выявлении и преследовании гомосексуалов и о санкционированной начальством их травле в ГУЛАГе подтверждают более общее наблюдение о том, что хрущевская оттепель не отказалась от контроля за частной жизнью граждан, а лишь поменяла методы: жестокий репрессивный сталинский контроль сверху сменился на более мягкий, но и более эффективный, повсеместно проникающий горизонтальный контроль, контроль коллектива. Взаимный надзор в коллективе был одним из камней в фундаменте советской власти [Хархордин 2016: 122–132, 149–155]; «всепроницающая программа общественного контроля» [Хелльбек 2017: 401],

⁴ Выступление Н. С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС. 13 мая 1957 г.

⁵ О последующей закрытой полемике о декриминализации добровольного мужеложства, которая велась на протяжении 1960–1980-х годов между крупными юристами и МВД, см.: [Alexander 2018].

успешно проводившаяся в 1920–1930-е годы, в конце 1950-х — с их советами рабочей чести, народными дружинами, товарищескими судами, — обрела второе дыхание. Оттепель рассматривается «как время окончательного укоренения системы взаимного надзора и коммунального контроля — системы более тщательной и надежной в своем функционировании, чем открыто репрессивная сталинская система»; если хаотичный сталинский террор оставлял лакуны, то упорядоченный взаимный надзор эти лакуны устранил [Хархордин 2016: 389, 397]. В частности, в регулировании сексуальной и семейной жизни граждан «командно-контрольные методы» постепенно сменялись «морально-административными» [Кон 1997: 118], включающими общественное порицание, увещевание, просвещение⁶.

Таким образом, при всей кажущейся вопиющей несуразности хрущевской брани и сама тема содомии, и жанр публичного осуждения-увещевания, выбранный Никитой Сергеевичем, были вполне в духе времени. Посмотрим, как он связывал шокировавшее его необычное искусство с заподозренной тут же необычной сексуальностью и как то и другое, по его мысли, угрожало моральному и физическому здоровью нации.

* * *

Педераст — антоним важной для Хрущева, неоднократно фигурирующей в этих двух стенограммах категории нормального, или настоящего, мужчины: «...вы настоящие мужчины, не педерасты вы?» [Хрущев 2009: 594]; «Когда-то, в годы войны и после войны, я поддерживал очень дружеские отношения со скульптором Меркуровым. Это хороший был человек. <...> Это был настоящий мужчина» [Там же: 527]; «У Вас дети есть? — Нет. — Будут, если Вы нормальный мужчина» [Там же: 528].

Наличие потомства — важный признак «нормального мужчины», по Хрущеву. Упомянув своих правнуков («у меня уже правнуки есть, так вот таких “художников” у меня трое» [Там же: 527]), Хрущев утверждает свою нормативную маскулинность в противовес предположительной гендерной аномальности художников. Эта нормативность и возраст, а также статус («глава государства», «премьер», «коммунист номер один в мире») легитимируют его brutally патерналистское отношение к художникам, которых он не только грозит оштрафовать, не давать им денег, взыскать средства, потраченные на их образование, выслать из страны, но и журит следующим образом: «Штаны с вас спустить надо. <...> И вам не стыдно?» [Там же: 525]; «Хотелось бы сейчас Вас взять, как, знаете, в былые времена учили нашего брата, голову между ног, а эту часть спустить, а эту поднять — и так, чтобы вы покамест не поняли» [Там же: 527].

Еще один обязательный признак «нормального мужчины» — уважительное отношение к женщине, которое должно сохраняться и в искусстве. Хрущев

⁶ О доносах как одной из форм надзора за частной жизнью граждан в 1930-е годы см. гл. 11–12 в [Фицпатрик 2011], о практиках надзора за частной жизнью граждан в отдельных квартирах см.: [Лейбович 2016]. О смене сталинистского принуждения в репродуктивной сфере (как неэффективного и вредящего здоровью женщин) публичным обсуждением вопросов брака и семейной жизни см.: [Healey 2014: 237–239], там же о призывах либеральных социологов к сексуальному просвещению. См. также: [Schlapentokh 1989].

и другие представители правительства на встрече с деятелями искусства осуждают «элементы цинизма к женщине» [Там же: 539] в современном искусстве и литературе; Хрущев восклицает: «...как вас мать родила, если вы способны изобразить в таком понимании женщину» [Там же: 538]. Раскритикованные Хрущевым художники написали за две недели три покаянных письма в ЦК, где утверждали, что «ищут свою дорогу в социалистическом искусстве <...> стремятся прославить чистоту русской женщины, выразить красоту советского человека, покоряющего космос» [Там же: 543]⁷.

Художник-реалист Александр Дейнека, выступавший на встрече 17 декабря, также привел в подтверждение правильности своего подхода именно манеру изображения женщины:

Вот, посмотрите, пожалуйста, сидит красивая женщина, она улыбается. Почему я должен из нее делать черт знает что, почему я должен ее расфасовать, делать ее гнилой. Кому это нужно? [Там же: 562].

Гнилому искусству противопоставлено здоровое, так же как гнилому образу жизни — здоровый, а аномальной педерастии — настоящая мужественность. Делается традиционное допущение о корреляции образа жизни и производимого творческого продукта, при которой нездоровый образ жизни не может дать никакого ценного результата. Вопреки заметной представленности в творческих кругах инородцев и иносексуалов дискурс блага и здоровья нации предполагает, что «извращенцы», равно как и этнически чужие, некреативны⁸. Дейнека, к примеру, практически подряд произносит следующие утверждения, соположенность которых, вероятно, должна свидетельствовать о причинно-следственной связи:

...я уверен, что молодежь <...> не вся <...> подгнившая. Она здоровая <...> я за здоровое искусство, я против всякого отклонения от таких форм, которые вы все знаете. <...> Я нормальный человек, я люблю спорт... [Там же].

В нарративе здоровья нации, основывающегося на здоровом образе жизни и здоровой сексуальности индивидов, традиционно присутствует угроза этому здоровью, исходящая от сексуальных и этнических Других⁹. Для оттепельного дискурса очень характерна забота о здоровом образе жизни, включающем здоровую сексуальность и «здоровую советскую семью» [Харчев 1979]; гомо-

⁷ Стенограмма встречи руководителей КПСС и советского правительства с деятелями литературы и искусства. 17 декабря 1962 г.

⁸ Например, согласно германскому националистическому дискурсу XIX в., гомосексуалы и евреи «были лишены креативности», были «непродуктивны» и трудились «рука об руку над тем, чтобы разрушить творческое начало в человеке» [Mosse 1985: 146, 141]. Видный французский националист Эдуард Дрюмон писал: «Семит лишен творческих способностей, в то время как ариец, наоборот, изобретает; ни одно, даже самое незначительное изобретение не было сделано семитом» (цит. по: [Carroll 1995: 176]).

⁹ О понятии «ущерба, наносимого сексуальным извращением здоровью нации», и о том, что «здоровый еврей» — это «противоречие в терминах», см.: [Mosse 1985: 184, 143].

сексуальность же начинала считаться болезнью, пусть поначалу метонимически: в гомосексуальных контактах видели основной канал распространения заболеваний, передающихся половым путем [Healey 2017: 40, 50, 170]. Примечательно, что один из участников авангардной выставки Владимир Янкилевский, т. е. представитель «подгнившего» и «растленного», в терминологии авторитетного дискурса, искусства, в позднейшем интервью на вопрос о своей жизни в 1960–1970-е годы отвечает: «Я жил в своем мире — хотя я не был отделен от внешнего мира: я и спортом занимался и вообще нормально существовал» [Янкилевский 2010]. То есть он солидарен с Дейнской — и отепельной пропагандой¹⁰ — в том, что спорт — компонент «нормальности»: «нормальной» маскулинности, «нормального» образа жизни.

Как видно из приведенных высказываний Дейнеки, нормальность, здоровье и красота должны быть свойственны обоим участникам творения — художнику («я нормальный человек», «молодежь здоровая») и модели («сидит красивая женщина»), — и тогда получится нормальный и красивый продукт, «здоровое искусство». Эта же схема проявляется в совокупности высказываний Хрущева. Симпатичные внешне художники должны создавать приятные глазу изображения, и эта приятность, красота — критерий настоящего искусства: «Вот какой красивый [про художника Жутковского]; если бы она на вас была похожа, я бы сказал — художник стоящий» [Хрущев 2009: 525]; «Как Вам не стыдно. Молодой человек, имеее приятную наружность. Как Вам не стыдно?!» [Там же: 527]. Хрущев приводит в пример правильного искусства милые его сердцу портреты художника Лактионова: «...простой человек видит, что это человек нормальный, человек красивый, человек приятный, что и требуется от художника. Приятно» [Там же: 595]. Высшая степень «приятности» искусства — его способность «светить», «вдохновлять» на «ратный» или «трудовой подвиг»; искусство функционально. Ту же мысль Хрущев неоднократно высказывал применительно к литературе, в частности, оправдывая так называемых лакировщиков, которые ценны тем, что «написали хорошего, с хороших позиций, с добрым сердцем о Сталине, о партии» [Там же: 450]¹¹, показывали «жизнеутверждающую силу нового, коммунистического» [Там же: 500]¹². Литература, с его точки зрения, должна «брать положительные факты», «зажигать людей и звать их и указывать путь», прославлять «и советский народ, и партию», а не «смаковать недостатки» и не критиковать «с вражеских позиций» [Там же: 502, 452, 451], как делает Владимир Дудинцев.

А «педерасты в живописи» производят «мазню», негодную для вдохновения: «Скажите, куда это зовет?» [Там же: 527]; «Что мы вот с этой мазней пойдем в коммунизм?» [Там же: 524]; «Вот с этим мы пойдем в коммунизм? (...) Это вдохновляющее произведение, которое призывает людей к борьбе?! (...) Мы считаем это антисоветчиной, это аморальные вещи, кото-

¹⁰ О пропаганде 1950-х годов, представлявшей спорт неотъемлемым компонентом правильной маскулинности, здорового образа жизни, подобающего советскому гражданину поведения и «культурности» (под девизом «В здоровом теле здоровый дух»), а также вкладом в величие нации, см.: [Gilmour, Clements 2002].

¹¹ Выступление Н. С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС. 13 мая 1957 г.

¹² Речь Н. С. Хрущева на III Съезде писателей СССР. 22 мая 1959 г.

рые не светят и не мобилизуют людей» [Хрущев 2009: 525]. Скорее всего, намеренная оговорка: в своей речи на встрече с деятелями культуры Хрущев называет художника Жутковского Жутковским [Там же: 593]: искусство авангардистов не услаждает глаз, оно не позитивно, не оптимистично; наоборот, оно «гнилое», мрачное, жуткое.

* * *

Ключевая характеристика «педерастов в живописи» и самой их живописи — связь с Западом. Генезис такого ненормального искусства и нездорового образа жизни видится Хрущеву однозначно на Западе. В процессе своей ругани он многократно апеллирует к Западу и его агентам, предлагает продавать иностранцам «не только картины, но и <...> [свои] души», обещает немедленно выпустить художников «за границу к своим идейным братьям» или выслать к их «духовным родственникам». Запад, родина неправильного, неприличного, непонятого искусства — живописи, музыки (нелюбимого Хрущевым джаза: «иные джазы исполняют такое, что нормальному человеку невозможно слушать» [Там же: 523]), танцев («вы посмотрите негритянские танцы и американские — это же вертят определенным местом» [Там же]), — определяется также как зона гомосексуальности, причем гомосексуальность оказывается родовым понятием для всякого рода перверсий, включая «гнилое» искусство:

Я опять повторяю, я вас считаю педерастами. Казалось бы, педерасты — это добровольное дело, договоренность двух типов, а государство за это дает 10 лет, а раньше — каторга. И это во всем мире так, хотя и процветает на Западе этот вид «искусства». Так вот это — разновидность его [Там же: 528].

То же представление о непонятном искусстве как о болезни, риторически отождествляемой с сексуальной перверсией и связанной с заражением с Запада, отражено в кратком сообщении о выставке в «Правде» от 2 декабря 1962 г.: «патологические выверты представляют собою жалкое подражание растленному формалистическому искусству буржуазного Запада».

Важным компонентом эстетики героической мужественности, утвердившейся в социалистическом реализме, было противопоставление западному искусству, обвиняемому в женоподобии и сексуальном бессилии, и «в этом контексте сексуальная сомнительность — наиболее явно представленная гомосексуальностью — воспринималась равносильной идеологической неустойчивости: угрозе государству» [Бэр 2002: 564].

Еще одна категория, участвующая в создании разностороннего образа «педерастов в искусстве», — категория социальная. Исследователь государственной культурной политики в области танцев Игорь Нарский определяет неприязнь Хрущева к западным танцам, осуждавшимся в период его правления не только в устных выступлениях главы государства, но и в прескриптивных документах¹³, как «классовую» [Нарский 2018: 124]. Пра-

¹³ Например: Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС «Об отрицательной роли в деле коммунистического воспитания западной песенно-танцевальной музыки» от 2 августа 1954 г.

вильное искусство должно быть понятно и «мобилизовать духовные силы народа на подвиг», неправильное — непонятно и не нужно, и его творцы не желают снисходить до народа и приносить ему пользу. Хрущев грозит выгнать за границу тех, которые «не хотят трудиться для народа и вместе с народом», упрекает Неизвестного в том, что он «неизвестное (читай: непонятное. — Г. З.) выставил, и он смотрит свысока, что, мол, люди как люди <...>, но не понимают этого», и ставит ему диагноз: «...у вас размолвка не со мной, у вас размолвка с народом» [Хрущев 2009: 530]. Еще в конце 1950-х на встрече с деятелями культуры Хрущев применял ту же логику, подводя к выводу о ненужности непонятного массам искусства:

Я слесарь по профессии, отец мой шахтер, я не могу понять [Пикассо]. Говорят, что надо так картину смотреть, и я смотрел так, но я вижу уродов. <...> Я консерватор в этом деле, я не понимаю такого искусства. <...> Я все-таки не последняя спица в колеснице, видимо, и другие не понимают. Так для кого же это пишут? [Там же: 488–489]¹⁴.

Таким образом, хрущевские «пидарасы» — сложносочиненная категория, представляющая абсолютного Чужого, антоним советского «нормального человека», «нормальность» же, как отмечалось [Вайль, Генис 1998; Fuerst 2013], стала важнейшим понятием в дискурсе позднего социализма. «Педерастия» в хрущевском понимании — это больше, чем гомосексуальность, — она подразумевает непродуктивную и аморальную сексуальную жизнь, тунеядство, бездуховность, тягу к Западу. Конструирование этого образа в речах Хрущева интересационально, в фигуре художника-авангардиста Хрущев увидел пересечение нескольких категорий: сексуальности («пидарасы»), гендера (ненастоящие мужчины), класса (чужды народу), национальности или государственной лояльности (ориентированы на Запад), здоровья (нездоровы физически и духовно). Каждая из соответствующих групп, к которым отнесло авангардистов воображение главы государства, испытывала дискриминацию или враждебное отношение, и позиция на пересечении этих осей угнетения или отчуждения ставила авангардистов в особенно уязвимое положение.

* * *

В этом конструкте, казалось бы, не хватает расы, или этничности — одной из категорий, входящих в первую тройку при любом обсуждении интересациональности. Джордж Моссе показывает, что опасными Другими — нарушителями эстетических норм, врагами буржуазной морали и ее основной ценности — благопристойности (respectability), угрозой для здоровой маскулинности и здоровой семьи и, следовательно, для будущего нации — считались преступники, душевнобольные, гомосексуалы, иностранцы и инородцы, особенно евреи. Евреев представляли феминизированными и обвиняли либо непосредственно в гомосексуальности, либо в распространении таковой и подрыве здоровой мужественности мужчин нации из-за своего стремления к

¹⁴ Стенограмма встречи руководителей КПСС и советского правительства с писателями, художниками, скульпторами и композиторами. 19 мая 1957 г.

культурному доминированию [Mosse 1985: 140–147; 1996: 68–70]. В пропаганде современного общества, культивирующего свою государствообразующую нацию — будь то германский Volk XIX в. или Третьего Рейха, послевоенная австрийская нация или «советский народ»¹⁵, — к гомосексуалам и евреям применялся общий набор стереотипов, иными словами, пересекались «дискурсы, создававшие евреев и гомосексуалов как национальных Других» [Bunzl 2004: 15], и в обоих фигурировала эстетическая, сексуальная и медицинская аномальность.

В речах Хрущева, составляющих контекст скандала в Манеже, этническое измерение наличествует. Положительный полюс — не только советскость, но именно русскость — заявляется вполне недвусмысленно: на встрече 17 декабря идет речь о красоте русской природы и русской женщины, Хрущев, признаваясь в любви к русским танцам и песням, называет себя «руссаком», Дейнека говорит о своей любви к «русским девушкам», «русскому пейзажу» и «русским ребятам» [Хрущев 2009: 563]¹⁶. Отрицательный полюс Чужого отчасти занят чернокожими, повинными в появлении непонятого джаза и неприличного фокстрота: «...неприличные танцы <...> это от негров» [Там же: 523]; «Я не хочу обидеть негров, но <...> эта музыка все-таки негритянская — джаз. <...> негры вам принесли» [Там же: 597]. Хрущевское умозаключение вполне органично для «мифологии русской чистоты», которая была предложена еще в позднимперской публицистике, возрождена в России 2010-е путинскими идеологами, утверждающими русское «моральное превосходство» [Healey 2017: 7], но существовала, пусть в дремлющем состоянии, и в промежуточный, т. е. советский период. Согласно этой мифологеме, Россия стремится сохранить свою традиционную природную чистоту, борясь с угрозами, исходящими как с Востока, от отсталых или диких восточных народов, так и с Запада, от развращенной западной буржуазии [Ibid.: 254]. Хрущевские «негры» удачно совмещают признаки обеих опасных групп: они и дикие восточные племена (по рождению), и развращенный Запад (по месту жительства).

Отметим еще один любопытный ход Никиты Сергеевича в рамках этнической концептуализации интуитивно чуждого искусства. Ругая в Манеже «неприличные» «негритянские и американские танцы», Хрущев говорит:

Какой же это танец? Черт знает что! Была такая женщина Коган — замечательная женщина, так вот она однажды выразилась так <...> — 20 лет замужем и не знала, что это фокстрот [Хрущев 2009: 523].

¹⁵ Моссе писал на материале истории европейских государств XIX в., преимущественно Германии, но экстраполировал свои выводы и на Советский Союз эпохи позднего сталинизма, где, после того как идеи большевистской сексуальной революции отошли в прошлое, Сталин «приравнивал социалистическую мораль к морали среднего класса», т. е. «респектабельности», со всеми ее воображаемыми угрозами [Mosse 1985: 186]. Рассматривая евреев и гомосексуалов в роли Других, создающих — от противоположного — современную нацию и служащих «симптомами современности» [Bunzl 2004], мы можем видеть в их появлении в советских источниках 1950–1960-х годов признаки сталинской и послесталинской советской современности.

¹⁶ О теме природы в дискурсах конструирования нации, ассоциации ее с нормальностью, здоровьем, благоприличием и подлинной маскулинностью и диссоциации от гендерных и этнических Других, неспособных почувствовать красоту национальной природы, см.: [Mosse 1985: 137–139, 141].

Такое «наивное» сравнение фокстрота с супружеским сексом было, по-видимому, распространенной шуткой, зафиксированной еще с НЭПа, с конца 1920-х годов¹⁷. Зачем Хрущеву понадобилось ссылаться на «женщину Коган»? Предполагаю, что он сознательно или подсознательно решил как бы заручиться поддержкой двух «слабых» «маргинальных» групп, придающей его осуждению дополнительную весомость: вот, даже женщины и евреи солидарны с ним в неприязни к фокстроту.

Причислить московских художников к чернокожим, порождающим псевдоискусство, неприличное и тошнотворное, не мог даже буйный ритор Хрущев. Но категория этничности в эпизоде в Манеже на самом деле присутствует, хотя и не проговаривается. Абсолютное большинство участников выставки на втором этаже были евреями, и опасность этой ситуации в свете, вероятно, слухов об антисемитизме Хрущева ими осознавалась. Янкилевский рассказывает, что Белютин, учитель многих присутствовавших, стал их расставлять на лестнице, где они должны были встретить и приветствовать Хрущева: «...у тебя длинный нос — давай на задний план, чтобы не высовываться» [Ерофеев 1996: 591]. Эрнст Неизвестный увидел в этническом составе участников выставки не досадную случайность, а умысел провокатора:

Бросилась в глаза небезынтересная деталь, которая мне сейчас вспоминается. Студия Белютина, довольно широко представленная в Манеже, состояла из людей разных национальностей. И, в частности, не было никакого перевеса евреев. Но каким-то странным образом в Манеже были приглашены в основном евреи, причем с типично еврейскими лицами. Уже тогда я почувствовал некий привкус провокации [Неизвестный 1979: 175].

Коллективного еврейства на выставке Хрущев не заметил или скорее не стал это комментировать, но на встрече с деятелями культуры 17 декабря речи о формализме и «педерастах в живописи» перемежаются рассуждениями об антисемитизме и борьбе с ним в литературе. Хрущев выступает против выделения еврейских страданий во время войны как уникальных («Гитлер истреблял евреев (...) он же и славян истреблял. И если сейчас посчитать арифметически, каких народов больше истреблено — евреев или славян, то (...) славян было больше истреблено, их больше, чем евреев» [Хрущев 2009: 547]) и отмечает избыточность еврейского присутствия в раннесоветской бюрократии («Если говорить откровенно, в былые времена, в первые годы непропорционально была представлена еврейская нация и на партийной, и на государственной работе» [Там же: 548]), но при этом подчеркивает, что в настоящее время в стране антисемитизма нет, а потому обсуждать его и «евреев выделять» не имеет смысла («...зачем сейчас этот вопрос поднимать?») [Там же: 548]¹⁸.

¹⁷ «Муж — жене, о фокстроте: “Мы с тобой этим двадцать лет занимаемся, только в постели и лежа”» (1929) [Мельниченко 2014: 730].

¹⁸ Об отношении Хрущева к еврейскому вопросу и его антисемитизме см.: [Костырченко 2012].

У Хрущева и председателя Идеологической комиссии ЦК Л. Ф. Ильичева были конкретные и не связанные с авангардным искусством причины говорить об антисемитизме¹⁹, но наблюдатели свидетельствовали, что тема антисемитизма на этой встрече была навеяна острыми опасениями московской творческой интеллигенции, как бы «новое гонение не стало антиеврейским»: «...этот сгущенный страх вошел и в этот зал во многих грудях и хорошо был известен в ЦК» [Солженицын 1991: 46].

Еще через два месяца, на встрече с представителями интеллигенции 18 февраля 1963 г. Никита Сергеевич демонстрирует ту же двойственность: утверждая, что бывают разные евреи — хорошие и плохие, и рассказывая в подтверждение этого про евреев-рабочих и евреев — купцов 2-й гильдии, а также про некоего Когана, служившего якобы переводчиком при штабе Паулюса, он настойчиво уверяет, что «вопрос антисемитизма — это пройденный этап» [Хрущев 2009: 608–610]²⁰. Причем рассуждения о евреях и заверения в отсутствии антисемитизма вновь соседствуют с филиппиками против абстракционизма (примером которого опять служит художник Жутковский, чья фамилия якобы образована от слова *жуть* и чей портрет ужасен — сравнительно с «приятным» портретом художника Лактионова) и какофонии в музыке.

* * *

Таким образом, можно считать, что еврейская тема в скандале вокруг Манежа, безусловно, присутствовала, осознавалась, но не могла быть проговорена, и тогда композитный интерсекциональный образ хрущевских «пидарасов» обретает и этническое измерение. Фигуры классических Чужих — евреев и гомосексуалов — занимают положенное им место в качестве «симптомов» оттепельной модерности. Осуждая нерусских «извращенцев» и апеллируя к «нормальной» мужественности, способной производить «здоровое искусство», Хрущев в свойственной ему хаотической риторической манере оправдывал свое эстетическое неприятие, или непонимание, авангарда, обаянял, почему это искусство отказывается позитивно отображать реальность (быть понятным, «приятным») и «красивым»), и даже предвосхищал кризис советской маскулинности, вызванный несоответствием оттепельных и позднесоветских мужчин гегемонной героической маскулинности защитника и строителя страны, но ставший дискурсивным фактом уже при Брежневе²¹.

¹⁹ Стихотворение Евгения Евтушенко «Над Бабьим Яром памятника нет» и недавняя (27 ноября 1962 г.) речь режиссера Михаила Ромма, обвинившего нескольких чиновных литераторов в антисемитизме. См. подробнее: [Костырченко 2012: 351–370].

²⁰ Конспект выступления Хрущева на встрече с представителями интеллигенции, 18 февраля. См. также: [Хрущев 1963: 4].

²¹ «Социальное положение советского мужчины, принадлежащего к поколению “оттепели” — шестидесятников, в либеральном дискурсе определяется, говоря современным языком, как кризис маскулинности. В 1970–1980-е гг. обсуждение кризиса маскулинности характерно <...> для российского либерального дискурса <...> кризис маскулинности является дискурсивным фактом, т. е. общепризнанным положением позднесоветского критического дискурса. <...> Позднесоветские мужчины выглядят жалко на фоне других моделей маскулинности, в том числе гегемонной советской маскулинности война и трудового героя промышленных строек <...>, на которой позднесоветские мужчины были воспитаны, но не могли соответствовать» [Здравомыслова, Темкина 2002: 434–435, 441–443]. См. также: [Prokhorova 2006: 132–133].

В соответствии с логикой известного высказывания Тараса Бульбы, Хрущев, приоткрыв форточку, дал стимул к развитию в стране модернистского искусства [Кантор-Казовская 2014: 20–24] и сам же обозначил перекресток образов, понятий и мотивов, на котором далее, вплоть до перестройки, будут возводить позорные столбы для нонконформистских художников и неподцензурных литераторов: телесного низа, нечистоты и болезни, нелояльности родине и заражения с Запада, этнической чужеродности, сексуальной и гендерной перверсии²².

Источники

- Аджубей 1989 — *Аджубей А. И.* Те десять лет. М.: Сов. Россия, 1989.
- Белютин 1990 — *Белютин Э.* Хрущев и Манеж // Дружба народов. 1990. № 1. С. 136–161.
- Ерофеев 1996 — *Ерофеев А.* Русское искусство 1960–1970-х годов в воспоминаниях художников и свидетельствах очевидцев. Интервью с В. Немухиным, О. Рабиным, В. Янкилевским // Вопросы искусствознания. 1996. № 2. С. 569–598.
- Жутовский 1989 — *Жутовский Б.* Я болен временем // Огонек. 1989. № 15. С. 18–19.
- Жутовский 2009 — *Жутовский Б.* Как один день: Кн. 1–2. М.: СБМ-галерея, 2009.
- Захаров 1963 — *Захаров Р.* Спектакль получился: Советы и пожелания моим друзьям // Художественная самодеятельность. 1963. № 7.
- Молева 1989 — *Молева Н. М.* Манеж. Год 1962. М.: Сов. писатель, 1989.
- Неизвестный 1979 — *Неизвестный Э.* Мой диалог с Хрущевым // Время и мы. № 41. 1979. С. 170–200.
- Рабичев 2001 — *Рабичев Л.* Манеж 1962, до и после // Знамя. 2001. № 9. С. 121–152.
- Рабичев 2003 — *Рабичев Л.* Пружинка в сердце: Стихи, воспоминания. М.: Авваллон, 2003.
- Ромм 1991 — *Ромм М.* Устные рассказы. М.: Союз кинематографистов, 1991.
- Солженицын 1991 — *Солженицын А. И.* Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 6–116.
- Хрущев 1963 — Речь тов. Н. С. Хрущева на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 г. // Правда. 1963. № 69, 10 марта.
- Хрущев 2009 — Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н. С. Хрущева: В 2 т. / Гл. ред. Н. Г. Томилина; Сост. А. Н. Артизов и др. Т. 2. М.: МФД, 2009.

²² Ср. критику авангардизма тех лет, вторившую Хрущеву в живописании вызываемого таким искусством физического отвращения; так, например, известный балетмейстер Р. В. Захаров писал: «Субъективное восприятие мира, неверие в человека и человеческое находят свое проявление в модернистском искусстве, во всякого рода формалистических штучках, в тошнотворном абстракционизме, вредоносное назначение которых с такой силой показал Никита Сергеевич Хрущев...» [Захаров 1963: 27]. И существенно более поздний (1979) пример — критика литературно-художественного альманаха «МетрОполь», в которой обнаруживается смысловой ряд «модернизм — секс — грязь — еврей» [Митрохин 2006: 289]. О стратегиях надзора различных органов власти за неофициальной культурой см.: [Раскатова 2009]. На материале карикатур и анимации тот же оттепельный парадокс отмечает К. Чунихин: «...оттепельный доступ к прежде запретному искусству спровоцировал новый виток “истории уродства” в СССР <...> антимодернистская сатира получила качественно новое развитие» [Чунихин 2020: 223].

Янкилевский 2010 — Интервью с художником Владимиром Янкилевским // ARTinvestment.RU. 2010. 19 апр. URL: https://artinvestment.ru/invest/ideas/20100419_yankilevsky_interview.html.

Литература

- Бэр 2002 — *Бэр Б. Дж.* Возвращение денди: гомосексуализм и борьба культур в постсоветской России / Пер. с англ. // О муже(Н)ственности: Сб. ст. / Сост. С. Ушакин. М.: Нов. лит. обозрение, 2002. С. 556–581.
- Вайль, Генис 1998 — *Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. М.: Нов. лит. обозрение, 1998.
- Герчук 2008 — *Герчук Ю.* «Кровоизлияние в МОСХ», или Хрущев в Манеже. М.: Нов. лит. обозрение, 2008.
- Здравомыслова, Темкина 2002 — *Здравомыслова Е., Темкина А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности: Сб. ст. / Сост. С. Ушакин. М.: Нов. лит. обозрение, 2002. С. 432–451.
- Кантор-Казовская 2014 — *Кантор-Казовская Л.* Гробман = Grobman. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Кон 1997 — *Кон И. С.* Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: ОГИ, 1997.
- Костырченко 2012 — *Костырченко Г. В.* Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международ. отношения, 2012.
- Лейбович 2016 — *Лейбович О.* Новые паттерны партийности: конструирование городских практик в послесталинское десятилетие // Новое литературное обозрение. 2016. № 1. С. 91–108.
- Мельниченко 2014 — *Мельниченко М.* Советский анекдот: Указатель сюжетов. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Митрохин 2006 — *Митрохин Н.* Санитары советской литературы (К стенограмме обсуждения на расширенном секретариате МО СП СССР альманаха «МетрОполь» 22 января 1979 г.) // Новое литературное обозрение. 2006. № 6. С. 282–290.
- Нарский 2018 — *Нарский И.* Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло: Культурная история советской танцевальной самодельности. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.
- Раскатова 2009 — *Раскатова Е. М.* Советская власть и художественная интеллигенция: логика конфликта (конец 1960-х — начало 1980-х гг.). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2009.
- Фицпатрик 2011 — *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2011.
- Хархордин 2016 — *Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016.
- Харчев 1979 — *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.
- Хелльбек 2017 — *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Пер. с англ. М.: Нов. лит. обозрение, 2017.
- Хили 2008 — *Хили Д.* Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства / Пер. с англ. М.: Ладомир, 2008.
- Чунихин 2020 — *Чунихин К.* Нестрашные ужасы модернизма: эпизод из истории уродства периода оттепели // Новое литературное обозрение. 2020. № 2. С. 222–236.
- Alexander 2018 — *Alexander R.* Soviet legal and criminological debates on the decriminalization of homosexuality (1965–1975) // Slavic Review. Vol. 77. No. 1. 2018. P. 30–52.

- Bunzl 2004 — *Bunzl M.* Symptoms of modernity: Jews and queers in late-twentieth-century Vienna. Berkeley: Univ. of California Press, 2004.
- Carroll 1995 — *Carroll D.* French literary Fascism: nationalism, anti-Semitism, and the ideology of culture. Princeton: Princeton Univ. Press, 1995.
- Fuerst 2013 — *Fuerst J.* Where did all the normal people go? Another look at the Soviet 1970s // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 14. No. 3. 2013. P. 621–640.
- Gilmour, Clements 2002 — *Gilmour J., Clements B. E.* “If you want to be like me, train!”: The contradictions of Soviet masculinity // *Russian masculinities in history and culture* / Ed. by B. Evans Clements, R. Friedman, D. Healey. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. P. 210–222.
- Healey 2001 — *Healey D.* Homosexual desire in revolutionary Russia: The regulation of sexual and gender dissent. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2001.
- Healey 2014 — *Healey D.* The sexual revolution in the USSR: Dynamics beneath the ice // *Sexual revolutions* / Ed. by G. Hekma, A. Giami. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 236–248.
- Healey 2017 — *Healey D.* Russian homophobia from Stalin to Sochi. London: Bloomsbury, 2017.
- Mosse 1985 — *Mosse G.* Nationalism and sexuality: Middle-class morality and sexual norms in modern Europe. Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 1985.
- Mosse 1996 — *Mosse G.* The image of man: The creation of modern masculinity. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
- Prokhorova 2006 — *Prokhorova E.* The post-utopian body politic: Masculinity and the crisis of national identity in Brezhnev-era TV Miniseries // *Gender and national identity in twentieth-century Russian culture* / Ed. by H. Goscilo, A. Lanoux. DeKalb, Illinois: Northern Illinois Univ. Press, 2006. P. 130–136.
- Schlapentokh 1989 — *Schlapentokh V.* Public and private life of the Soviet people: Changing values in post-Stalin Russia. Oxford: Oxford Univ. Press, 1989.

References

- Alexander, R. (2018). Soviet legal and criminological debates on the decriminalization of homosexuality (1965–1975). *Slavic Review*, 77(1), 30–52.
- Ber, B. G. (2002). Vozvrashchenie dendi: gomoseksualizm i bor’ba kul’tur v postsovetskoj Rossii [The return of the dandy: Homosexuality and the struggle of cultures in post-Soviet Russia]. In S. Ushakin (Ed.). *O muzhe(N)stvennosti* [On masculi/femininity], 556–581. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Bunzl, M. (2004). *Symptoms of modernity: Jews and queers in late-twentieth-century Vienna*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Carroll, D. (1995). *French literary Fascism: Nationalism, anti-Semitism, and the ideology of culture*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Chunikhin, K. (2020). Nestrashnye uzhasy modernizma: epizod iz istorii urodstva perioda ot-tepeli [The not-scary horrors of modernism: An episode from the history of ugliness during the Thaw]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2020(2), 222–236. (In Russian).
- Fitspatrik, Sh. (2011). *Sryvaite maski! Identichnost’ i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Trans. from Fitzpatrick, Sh. (2005). *Tear off the masks!: Identity and imposture in twentieth-century Russia*. Princeton: Princeton Univ. Press]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Fuerst, J. (2013). Where did all the normal people go? Another look at the Soviet 1970s. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 14(3), 621–640.

- Gerchuk, Iu. (2008). “*Krovoizliianie v MOSKh*”, ili Khrushchev v Manezhe [“Hemorrhage in MOSKh,” or Khrushchev at the Manezh]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Gilmour, J., Clements, B. E. (2002). “If you want to be like me, train!”: The contradictions of Soviet masculinity. In B. Evans Clements, R. Friedman, D. Healey (Eds.). *Russian masculinities in history and culture*, 210–222. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Healey, D. (2001). *Homosexual desire in revolutionary Russia: The regulation of sexual and gender dissent*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Healey, D. (2014). The sexual revolution in the USSR: Dynamics beneath the ice. In G. Hekma, A. Giami (Eds.). *Sexual revolutions*, 236–248. London: Palgrave Macmillan.
- Healey, D. (2017). *Russian homophobia from Stalin to Sochi*. London: Bloomsbury.
- Kantor-Kazovskaia, L. (2014) *Grobman = Grobman*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Kharchev, A. G. (1979). *Brak i sem'ia v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Kharkhordin, O. V. (2016). *Oblichat' i litsemerit'*: Genealogiia rossiiskoi lichnosti [To expose and to dissemble: Genealogy of the individual in Russia]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Khell'bek, I. (2017). *Revolutsia ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoj epokhi* [Trans. from Hellbeck, J. (2006). *Revolution on my mind: Writing a diary under Stalin*. Cambridge: Harvard Univ. Press]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Khili, D. (2008). *Gomoseksual'noe vlechenie v revoliutsionnoi Rossii. Regulirovanie seksual'no-gendernogo dissidentstva* [Trans. from Healey, D. (2001). *Homosexual desire in revolutionary Russia: The regulation of sexual and gender dissidence*. Chicago; London: Univ. of Chicago Press]. Moscow: Lodomir. (In Russian).
- Kon, I. S. (1997). *Klubnichka na berezke: seksual'naia kul'tura v Rossii* [A strawberry on a birch tree: Sexual culture in Russia]. Moscow: OGI. (In Russian).
- Kostyrchenko, G. V. (2012). *Tainaia politika Khrushcheva. Vlast', intelligentsiia, evreiskii vopros* [Khrushchev's secret policy: Authority, intelligentsia and Jewish question]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian).
- Leibovich, O. (2016). *Novye patterny partiinosti: konstruirovanie gorodskikh praktik v poslestalinskoe desiatiletie* [New party patterns: The construction of urban practices in the post-Stalin decade]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2016(1), 91–108. (In Russian).
- Mel'nichenko, M. (2014). *Sovetskii anekdot: Ukazatel' siuzhetov* [The Soviet joke: An index]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Mitrokhin, N. (2006). Sanitary sovetskoi literatury (K stenogramme obsuzhdeniia na rasshirennom sekretariate MO SP SSSR al'manakha “Metropol” 22 ianvaria 1979 g.) [Medical orderlies of Soviet literature (Comment on the transcript of the discussion of the almanac *Metropol'* at the expanded Secretariat of Moscow branch of the Union of Soviet Writers)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2006(6), 282–290. (In Russian).
- Mosse, G. (1985). *Nationalism and sexuality: Middle-class morality and sexual norms in modern Europe*. Madison: The Univ. of Wisconsin Press.
- Mosse, G. (1996). *The image of man: The creation of modern masculinity*. New York: Oxford Univ. Press.
- Narskii, I. (2018). *Kak partiia narod tantsevat' uchila, kak baletmeistry ei pomogali, i chto iz etogo vyshlo: Kul'turnaia istoriia sovetskoi tantseval'noi samodeiatel'nosti* [How the Party taught the people to dance, how choreographers helped it, and what happened as a result. Cultural history of Soviet dance amateur performance]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

- Prokhorova, E. (2006). The post-utopian body politic: Masculinity and the crisis of national identity in Brezhnev-era TV Miniseries. In H. Goscilo, A. Lanoux (Eds.). *Gender and national identity in twentieth-century Russian culture*, 130–136. DeKalb, Illinois: Northern Illinois Univ. Press.
- Raskatova, E. M. (2009). *Sovetskaia vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia: logika konflikta (konets 1960-kh — nachalo 1980-kh gg.)* [Soviet authorities and artistic intelligentsia: The logic of the conflict (late 1960s — early 1980s)]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian).
- Schlapentokh, V. (1989). *Public and private life of the Soviet people: Changing values in post-Stalin Russia*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Vail', P., Genis, A. (1998). *60-e: Mir sovetskogo cheloveka* [1960s: The world of the Soviet man]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2002). Krizis maskulinosti v pozdnesovetskom diskurse [The crisis of masculinity in late Soviet discourse]. In S. Ushakin (Ed.). *O muzhe(N)stvennosti* [On masculi/femininity], 432–451. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Галина Светлояровна Зеленина

*кандидат исторических наук
доцент, Центр библеистики и Judaики,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва, Миусская
пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-64-70
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Институт общественных наук,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского,
д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ galinazelenina@gmail.com*

Galina S. Zelenina

*Cand. Sci. (History)
Associate Professor,
Center for Biblical and Jewish Studies,
Russian State University for the Humanities,
Russia, GSP-3, 125993, Moscow, Miuskaya
Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-64-70
Senior Researcher
Center for Cultural Studies,
School for Advanced Studies in the
Humanities, Institute for Social Sciences,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ galinazelenina@gmail.com*